

РЕЦЕНЗИИ

УДК 1(09)

**История философии как философия:
французский опыт***

А. В. Дьяков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дьяков А. В. История философии как философия: французский опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 222–229. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.118>

Рецензия представляет опыт рефлексии в связи с прочтением монографии А. А. Кротова «Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры)». Соразмышляя А. А. Кротову, автор предлагает обзор общих тенденций и основных путей развития философской историографии во Франции. Основными проблемными моментами здесь оказываются характер и задачи истории философии, ее принадлежность к академическому регистру философии или же к регистру истории, возможность отхода от архаичной формы доксографии и превращения в самостоятельную философскую дисциплину, задающую архитектонику всего философского пространства. Автор выдвигает и аргументирует тезис о том, что история философии является философской дисциплиной, а ее переориентация на историю представляет собой неправомерный перевод ее в пространство исторических наук и мутацию в историческую эпистемологию. В то же время остаться сугубо философской дисциплиной она может лишь выработав собственный философский дискурс. В итоге автор предлагает ряд выводов относительно статуса истории философии в пространстве гуманитарных наук, возможных путей ее развития и перспективы обновления философии в целом. Особо отмечается идеологический и политический характер историко-философского дискурса, что делает его не просто основанием школьной дисциплины, но важнейшим моментом в самооценке философских наук. По мысли автора, именно французская история философии может быть названа во многих отношениях образцовой, поскольку в произведениях лучших своих представителей возвышается до уровня подлинной гуманитарной науки. А появление масштабной

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда, грант № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

работы, посвященной этой традиции, дает ориентир для развития истории философии в отечественном научном пространстве.

Ключевые слова: история философии, историография, французская философия, доксография, метафизика, актор.

История философии — ровесница самой философии — занимает в системе философских наук двойственное положение. С одной стороны, ее обыкновенно воспринимают как сугубо школьную дисциплину, необходимую в процессе университетского обучения, но в том, что касается целей и задач философии, всего лишь вспомогательную и *sub specie aeternitatis* необязательную. С другой — история философии производит отбор, дает оценки, утверждает авторитеты, легитимирует и в конечном итоге определяет ход развития философии, не только выстраивая ее генеалогию, но и указывая перспективные линии ее развития. Таким образом, из разряда школьных дисциплин она переходит в разряд дисциплин фундаментальных и стягивает на себя львиную долю исследовательского внимания. Неудивительно, что сегодня история философии сделалась едва ли не главной среди философских наук, заняв место идеологических дисциплин.

Во Франции история философии является основанием не только сугубо философских, но, пожалуй, всех вообще гуманитарных дисциплин. Она фиксирует, легитимирует и транслирует научную традицию, так что сама по себе уже может рассматриваться как достаточно мощная идеологическая платформа. Для французского интеллектуала чрезвычайно важна научная генеалогия, и генеалогические исследования могут составить важную часть социологии науки. Последовательность, составляемая отношениями «учитель — ученик», зачастую определяет область научных интересов, методологию и стиль мышления интеллектуала. И курьезный на первый взгляд подход Р. Коллинза [1, с. 33], внешним образом рассматривающего подобные отношения, здесь может дать довольно многое. Но это лишь уровень личных связей, которые составляют основание социального, но в каждом конкретном случае являются акцидентными. На общенациональном же уровне происходит трансляция интеллектуальной традиции, становящаяся фундаментом для всего политического мышления. А при учете той роли, которую играет философия во французской системе среднего и высшего образования, значение этого процесса трудно переоценить: французская система образования транслирует философскую традицию, полагая ее важнейшим своим элементом.

Эта система является продуктом длительного исторического развития и возникла не спонтанно, а в силу особой пресуппозиции, которую можно назвать самосознанием французской философии. Конечно же, такое выражение не стоит понимать в гегелевском смысле; никогда не стоит превращать историю философии в подобие теологии или в священную историю. Речь идет о рефлексии философской традиции по поводу своей национальной аутентичности и о своем месте в общеевропейском историко-философском процессе. Российские интеллектуалы хорошо знакомы с русской философией XIX столетия, увлеченной не столько спекулятивной метафизикой, сколько раздумьями об уникальности исторического пути развития своего отечества. Французская философия почти не занимается подобными предметами, оставляя их литераторам и публицистам, хотя, конечно, в этой «республике словесности» очень трудно отделить одно от другого. История философии во Франции также не склонна заниматься доксографией, в которой можно было бы четко отделить французскую (по букве или по духу) философию от не-французской. Это подразумевается само собой, ибо носители галльской культуры вообще не сомневаются в том, что они занимают центральное положение, тогда как все прочие народы смотрят на них с завистью и восхищением. (В этой шутке есть большая доля серьезности, о чем свидетельствует вся политическая и интеллектуальная история Франции.) Французская философия склонна говорить от лица человечества вообще, во всяком случае, от лица цивилизованного человечества, и история философии фиксирует это обстоятельство как форму ее самосознания.

Однако о самосознании французской философии можно говорить еще в другом смысле, и этот другой смысл выходит на первый план в недавно вышедшей монографии А. А. Кротова «Философия истории философии во Франции»: «Многоразличные объяснения смысла истории философии, сами их принципы, ответы на вопрос о причинах разнообразия, а также соотношения и вероятной роли в будущем знаменитых систем, все это служит одним из важнейших элементов, характеризующих философское сознание той или иной эпохи. Философия нередко претендовала на статус квинтэссенции культуры. Если соглашаться с подобным определением, то самосознание такого рода квинтэссенции следует в первую очередь связывать с историей философии» [2, с. 6]. Это и есть предмет, избранный автором: «... в книге ставится задача акцентировать внимание на специфике философского самосознания различных столетий...» [2, с. 7].

История философии сводилась к доксографии лишь на заре своего существования, и даже самые наивные своды философских учений располагали материал по-своему. Французская история философии XVI и XVII столетий — если вообще уместно употреблять это выражение по отношению к тем временам — в значительной мере была подражанием Диогену Лаэртскому. Затем к компиляциям, освещавшим в основном доктрины древних философов, стали добавляться сведения о позднейших мыслителях, что естественно породило оппозицию «старые/новые» и неизбежные споры о том, кому из них следует отдать предпочтение. XVII в. постулировал существование вневременной истины, достижение которой есть единственный критерий оценки философских доктрин. Картезий убедил французских интеллектуалов в том, что для достижения этой истины не нужно даже читать книг (хотя сам он читал их много), нужно лишь найти верную исходную точку и верный метод рассуждения. Неважно, кто говорит «*cogito ergo sum*» — римлянин Августин или француз Декарт, а потому на историю философии не стоит тратить времени.

Механицизм стал основной доктриной философии XVII в., и история философии также во многом сделалась механистической. В этом был весьма важный и положительный момент: механицизм обесценил наивную доксографию — не имеет смысла перечислять заблуждения старых и новых философов, это может быть интересно лишь в качестве исторического анекдота; значение имеет только приближение той или иной доктрины к истине, приоткрывающейся благодаря Методу. А те мыслители, чей разум не был озарен светочем Метода, прозябали в невежестве и заблуждении. Или, как пишет в своей книге А. А. Кротов, «декларируя смысл своей деятельности в поиске истины, философы XVII в. видели в учениях предшественников главным образом заблуждения, недостаточно обоснованные положения, тупиковые ходы мысли» [2, с. 9]. Таково отношение к предшественникам у Декарта и Мальбранша. Историки философии, такие как П. С. Режи или знаменитый П. Бейль, также придерживаются подобной позиции. «В раннее Новое время, — продолжает наш автор, — большинству философов проблема исторической преемственности в их сфере деятельности не представлялась особенно существенной. На первый план выдвигалась идея построения научной философии, которая, как предполагалось, все еще не была заложена никем из предшественников. Отсюда — редкие, спорадические экскурсы в минувшее, служившие по большей части средством иллюстрации плодотворности собственных идей» [2, с. 30].

История философии XVIII в., века Просвещения, впитывает историзм, приходящий со стороны филологической практики. Дело в том, что философам, чьи имена мы сегодня связываем с Просвещением, вообще-то было мало дела до истории философии; презрительно обходя молчанием университетскую схоластику, они заодно отбрасывали и прижившееся наконец в университете картезианство. Просвещение существовало как бы вне традиции и в противопоставлении ей. Поэтому историческое мышление должно было питаться из других источников. Ф. Мейнеке в своей грандиозной книге описывал этот процесс в следующих словах: «В стороне от мощного потока просветительского движения, шедшего через парижские салоны, во Франции существовали еще и другие интересные для нас тенденции, которые можно объяснить тремя глубокими причинами. Это, во-первых, радость от простого общения с древ-

ностью, проще говоря, со стариной, во-вторых, осознанное культивирование духа прирожденной аристократии, питавшегося воспоминаниями о средневековье и, в-третьих, интерес к жизни народов в доисторические времена, пробудившийся в середине столетия почти по всей Европе» [3, с. 148].

Подобные интересы образованного общества редко принимают во внимание философы, а если и принимают, то сильно недооценивают. Философия как строгая наука — смутный образ, существующий лишь в сознании университетских преподавателей, но среди тех, чьи имена мы вспоминаем, говоря о Просвещении, университетских преподавателей было совсем немного. Философия XVIII в. была салонной мудростью, а философы — интеллектуалами, скорее следующими своим прихотям, нежели преследующими чисто научные цели. Интерес к прошлому, воспоминания об утраченной простоте Средневековья и идеализация человека, не знакомого с соблазнами цивилизации, рождали снова вошедший сегодня в моду руссоизм, литературное движение романтиков, но главное (во всяком случае, для нас) — представление о том, что помимо истории римлян и греков, наследниками которой считали себя жители государств, возникших из империи Каролингов, существует отличная от нее история северных народов, а может быть, и обитателей Нового Света. Другими словами, в моду вошел историзм, а для истории философии это означало отказ от прямолинейного механицизма в пользу идеи множества равноценных путей к достижению истины, т. е. о существовании разных философий, которые можно различать в зависимости от того, какой нацией они были выработаны.

Теперь история философии должна была объяснить, что такое французская философия и чем она отличается не только от греческой и латинской, но от английской и итальянской (немецкой пока не существовало, так же как не существовало немецкого государства). Тем более, что «к психологическим мотивам, которые отмечались также и мыслителями “классического века”, просветители добавляют политические смыслы, поиск которых в истории философии в значительной степени был чужд сознанию предшествующего столетия» [2, с. 464–465]. Философия стала политической. Вернее, так ее стала представлять история философии следующего столетия. Никуда не делась университетская схоластика, хотя и разбавленная по моде того времени картезианством; в коллежах по-прежнему читали Аристотеля, но история философии до сих пор рисует нам картину господства просветителей в умах. А эти «философы» были кем угодно, только не философами в университетском смысле. Питая презрение к метафизике и вообще к систематической философии, они считали себя политическими мыслителями в самом широком смысле. В этом была их сила, и именно как политические мыслители они произвели пересмотр истории философии, определив дальнейшее развитие этой науки. Теперь «обретает характерные черты подход к истории философии, которому суждено, претерпевая трансформации, сыграть важную роль в последующие столетия: интеллектуальная культура получает истолкование с позиции дуализма метафизических направлений» [2, с. 464]. Конечно, до крайностей деления философии на революционную и прогрессивную еще далеко, но именно здесь корни этой оппозиции, которой французская история философии отдаст должное в XX в.

Французское Просвещение принято рассматривать как «философию грозных времен» [4, с. 306], другими словами, как мысль, ставшую одновременно идеологическим основанием Великой французской революции и ее зеркалом. «Заговор философов» постоянно мерещился реакционерам, как светским, так и клерикальным, хотя в действительности философы, как обычно, не могли договориться между собой. История философии сделала огромный скачок благодаря своего рода ревизионизму, представлявшему Революцию как сугубо идеологическое событие, чуть ли не как чисто философский жест. Сам Кант освятил такое представление, заявив («Что такое Просвещение?»), что смысл и значение этого события не зависят от успехов в сфере политических и общественных отношений, а всецело заключаются в том сдвиге, который произошел в умах его участников и свидетелей. Впоследствии история философии закрепила и увековечила его; в таком виде оно сохранилось до наших дней. Впрочем, определенные основания для этого имелись: философские доктрины и их авторы были весьма заметными акторами революционного движения.

«Настоящий взлет историко-философских исследований, выполненных на весьма высоком уровне, происходит во Франции лишь в XIX в.», — пишет А. А. Кротов [2, с. 30]. Действительно, в этом столетии сложилась «научная» история философии, в то время как вся предшествующая по большому счету была описательной и компиляторской. Во Франции на добрых два столетия возобладала рационалистическая точка зрения, требовавшая принимать во внимание лишь события в сфере мысли. После века Просвещения, активно боровшегося с картезианством и норотившего взять сторону англичан, во Франции наконец пришли к тому, о чем писал еще канцлер Бэкон: «Должны быть названы основные авторы, наиболее значительные книги, школы, традиции, университеты, общества, колледжи, организации» [5, с. 159]. И позитивизм, и спиритуализм, каждый по-своему, стремились представить историю философии как органический процесс со своими внутренними закономерностями, а философию — как организм, проходящий различные стадии роста и развития. Такая целостная картина должна была снять противоречия между различными философскими школами и привести их к некому историческому консенсусу. Достигалось это на путях эклектизма, признававшего ценность за самыми разными доктринами и пытавшегося свести фрагменты в общую мозаику. «Как бы то ни было, — пишет А. А. Кротов, — синтетический проект спиритуализма XIX в., получивший, как и позитивизм, определенный импульс от эпохи Просвещения, к началу XX в. себя исчерпал. Развитие философии пошло не в предписанном ей направлении. Предпринятых усилий оказалось недостаточно: ни тщательный сбор материала, ни философские инвентарные описи, ни метод “примирения” не привели к ожидавшемуся сторонниками эклектической школы результату» [2, с. 466].

Французская история философии XX в. во многом является образцом для историко-философских штудий во всем мире. В сознании читающих интеллектуалов на первом плане оказалась история идей, или историческая эпистемология. Собственно история философии, наконец ставшая подлинной философской наукой, при этом зачастую остается в тени. Между тем именно с ней следует связывать будущее этой научной дисциплины. История мысли — сугубо историческая дисциплина, если не по своему происхождению, то по методу и задачам. В перспективе своего развития она сливается с исторической наукой. На долю философии здесь остается все та же доксография, от которой истории философии необходимо уйти. Для того чтобы остаться (а вернее, сделаться, ибо до сих пор этот проект не получил должной реализации) философской наукой, истории философии нужно самой стать философией. И французская мысль первой половины XX в. дала тому ряд блестящих примеров. Прежде всего следует назвать имена Э. Брейе и М. Геру, сколь блестящих, столь и малоизвестных у нас авторов.

Но самое главное, Брейе мог оставаться философом, будучи историком философии. Его самого это спасало и от ухода в рутину доксографии, и от создания спекулятивных схем. Истории философии это позволяло оставаться в русле философских наук, не переходя в ведение историков. История философии, полагал он, должна оставаться философией, только тогда она сможет что-то понять в живой стихии философствования, не превращая ее в холодный труп философии. «Какой толк в предметном знании какого-то “источника” или “влияния”, если я не знаю, как это “влияние” было воспринято (ведь влияния не только испытывают); насколько глубоко оно было (ведь влияние, даже продолжительное, может быть поверхностным, например, использование языка школы Платона у Декарта) и в связи с чем оно оказывалось. История философии для меня — это в первую очередь история духовной инициативы, и только потом — история традиции: остановка духовной инициативы означает ее гибель» [6, р. 284].

И Брейе, и Геру стремились к созданию масштабного полотна, отражающего всю историю развития философии. В это время главной проблемой истории философии стал отход от тенденциозности взгляда на историко-философский процесс с точки зрения отдельной школы или направления, адептом которых является писатель. Достаточно вспомнить грандиозный труд Б. Рассела, по поводу которого теперь принято шутить в том духе, что, мол, Рассел написал его, чтобы показать, что философии до него не было. Однако уже к середине XX в. подобная широта охвата стала представляться неактуальной. На смену всеохватным историям пришли

углубленные исследования частностей, упражнения в экзегетике и т. п. В ту пору, когда на передний план философии выступила проблема понимания, история философии стала тяготеть ко всякого рода психологизму и герменевтике, а главным жанром в истории философии сделалась творческая биография. По сей день это форма историко-философского исследования, наименее уязвимая для критики и с литературной точки зрения оправданная, хотя и уводящая научную дисциплину в сторону от ее главной задачи — не просто дать перечисление мнений и школ, а объяснить развитие философии как единый процесс.

Если состояние постмодерна, как провозгласил Ж.-Ф. Лиотар, есть ситуация недоверия к метанарративам, то всеобщая история философии и вовсе оказывается невозможной. Теперь возможны лишь бесконечная деконструкция (Ж. Деррида), зачатие монстров за спиной у мыслителей прошлого (Ж. Делёз) или фукольдская история мысли, представляющая собой не философию, а некую позитивистскую историю без историзма, которую сам Фуко называл «археологией». Постмодерн в философии, конечно же, не является ни школой, ни направлением; скорее, это вынужденная ситуация, в которой приходится констатировать исчерпанность модернистского проекта. Систематическая история философии при этом может восприниматься в лучшем случае как игровой нарратив, не могущий претендовать на истинность ни в каком отношении и допускающий существование целого ряда вариаций, пускай даже взаимоисключающих в логическом плане. В худшем — как дискурсивное насилие и неправомерную тотализацию в пространстве философии. Такова же ситуация со всякой систематической философией. Поэтому постмодернистам представляется наиболее достойным уход в регистр эссе и фельетона, как это, собственно, уже было в эпоху Просвещения. Радикальное отличие теперешней ситуации в том, что Просвещение допускало и даже предполагало переход к новому модернистскому синтезу, тогда как постмодерн есть конец всякой философии, допускающий лишь существование после смерти, только постпостпостмодерн и дальнейшее умножение приставок.

Сегодняшние попытки возрождения метафизики напоминают ситуацию с религиозным фундаментализмом: таким образом можно обрести значительное количество приверженцев, но едва ли возможно надеяться уйти от ироничности ситуации философствования, ежечасно напоминающей о том, что все это не более чем забавы интеллектуалов, уставших от десятилетия политической ангажированности. Одна из главных целей истории — возможность делать прогнозы на будущее, и история философии предположительно должна делать то же самое. Сегодняшний кризис истории философии — не освобождение от традиции, как могло казаться полвека назад, и не частная проблема одной из областей гуманитарного знания; проблема эта носит общеполитический характер, и пока у нас не будет достойной истории философии, не приходится рассчитывать на оживление философии в целом.

Знакомство с историографией философии во Франции позволяет увидеть один из возможных вариантов развития этой дисциплины. Вместе с тем именно французская история философии может быть названа во многих отношениях образцовой, поскольку в произведениях лучших своих представителей возвышается до уровня подлинной гуманитарной науки. Теперь в отечественном интеллектуальном пространстве появилась работа, обозначающая ориентиры для всякой философской историографии и представляющая панораму интеллектуальной традиции, имея представление о которой мы можем наконец уйти от доксографии.

Литература

1. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1284 с.
2. Кротов А. А. Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. 480 с.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / пер. В. А. Брун-Цехового. М.: РОССПЭН, 2004. 480 с.
4. Декомб В. Современная французская философия. М.: Весь мир, 2000. 344 с.

5. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 590 с.

6. Bréhier È. Histoire de la philosophie. Paris: Alcan, 1928. Т. 1: L'Antiquité et le Moyen age. 805 p.

Статья поступила в редакцию 3 сентября 2018 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2018 г.

Контактная информация:

Дьяков Александр Владимирович — д-р филос. наук, проф.; a.diakov@spbu.ru

The experience of the historian of philosophy: on the non-philosophical origins of the philosophical practice*

A. V. Dyakov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dyakov A. V. The experience of the historian of philosophy: on the non-philosophical origins of the philosophical practice. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 1, pp. 222–229. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.118> (In Russian)

The review proposes the analyses of the intellectual experience of the historian of philosophy that is determined by the ideological and the political factors that lay behind the realm of the philosophy. The author proposes and arguments the theses about the mean role of the non-philosophical origins of the influence as for the philosophy as itself both the activity of the historian of philosophy. From the Greek ancient epoch the basis of the philosophy is the faith in the universal laws of the nature and their intelligible character the historian of philosophy based on the faith into the intelligible laws of the development of the thought, and their origin is the historicism that is doctrinally birth by the ideological corpus of the Western Enlightenment. The history of philosophy in the modern state is a space in which unfolds the activity of the historian of philosophy, representing an epistemological anarchist, but in reality, masking it visible anarchism its bias by the political paradigm of Western civilization. As a result, the history of philosophy turns out to be a sphere of unfolding specific political and ideological programs, and the experience of the historian of philosophy is not narrowly professional, but political work. This personal experience by its nature is decisive for the formation of the image of philosophy and the picture of its historical development. Given this fact, the author suggests the need to qualify the history of philosophy as a register of knowledge, which is constantly renewed problematic the central concepts, marking the basic conceptual points and the definition of the general direction of thought. As a result, the author proposes to recognize the historian of philosophy as much as a greater degree of creative freedom than is assumed in the traditional way of the intellectual, working in a positive way with the corpus of philosophical texts and ideas.

Keywords: history of philosophy, historiography, French philosophy, doxography, metaphysics, actor.

References

1. Collins, R. (2002), *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniia* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change], transl. by Rozova, N. S., Sibirskii khronograf Publ., Novosibirsk, Russia.

* The research has been performed within the grant of Russian Science Foundation No. 17-18-01440 “Anthropological dimension of the history of philosophy”.

2. Krotov, A.A. (2018), *Filosofia istorii filosofii vo Frantsii (problema zakonomernosti v razvitii intellektual'noi kul'tury)* [Philosophy of the history of philosophy in France (problem of patterns in the development of intellectual culture)], Izd-vo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

3. Meineke, F. (2004), *Vozniknovenie istorizma* [The emergence of historicism], transl. by Brun-Tsekhovogo, V.A., ROSSPEN, Moscow, Russia.

4. Descombes, V. (2004), *Sovremennaia frantsuzskaia filosofia* [Modern French Philosophy], Ves' mir Publ., Moscow, Russia.

5. Bacon, F. (1977), "The Dignity and Advancement of Science" [O dostoinstve i priumnozhenii nauk], in Bacon, F. *Sochineniia* [Works], in 2 vols., vol. 1, Mysl', Moscow, Russia.

6. Bréhier, É. (1928), *Histoire de la philosophie*, vol. 1., L' Antiquité et le Moyen age, Alcan, Paris, France.

Recived: Septebmer 3, 2018

Accepted: October 3, 2018

Author's information:

Alexandr V. Dyakov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.diakov@spbu.ru